Москва
Малый театр

6/III-91

Независимая газета - 1991 - 6 мар. - С.7

Маргарита Хемлин

Театр

«ДУШЕЧКА, СЛЕВА БУДЕТ КАМИН...»

Елена Николаевна Гоголева об уходящих традициях

— КОГДА говорили о Гоголевой, прочтешь — говорили о традициях Малого театра, театра великих Мастеров, — вот, кстати, об этом, Елена Николаевна?

— Да вот, об этом — не хочется. Вы знаете, мне это ужасно неприятно... Это, такое, традиции в театре. Это театроведы знают. Я — нет. Я — Дух Театра, что ли... Мне запомнилось одно из интервью Георгия Константиновича, в котором он говорил: не признаю тех учеников, которые неукоснительно следовали бы учению наставника. Я так запомнила. И актеры тростниковского БДТ — прекрасны тем, так нужно и приятно режиссеру оставаться индивидуальностью... А не так, как одно время было у Мейерхольда... Или в Художественном театре...

— А Малый театр?

— Мне кажется, Малый театр можно назвать... вполне можно. Если говорить о традициях его сцены, то они отличаются тем, что всегда отличало Малый театр, — это какая-то особая полнота и глубокая простота. Совместить это было трудно всегда, во все времена, но сейчас мы просто не знаем, что это такое. Забыли. Мы не умеем играть трагедии. Я по себе знаю. Роли бы мне сейчас предложили сыграть Шекспира, я бы задумалась... Как, это можно — сейчас? Всё меняется, даже то время остается... Что ж, это так естественно... Но — чего жалеть не находится...

— А что отличает столичный театр...

— Малый?

— И Малый тоже як театр, конечно, начала реже...

— Ну, понятно, слово. Верное, отсутствие слова на сцене. У вас сейчас много — вначале уделяют сценографии, а слово — так, где-то: в глубине сцены. Кажется, актеры не только ревутся говорить, но... Простите меня, просто не умеют говорить правильно. Да что уж правильно — просто ясно и четко...

— Но, может быть, театр — вообще — смешивается с зрителем? Сейчас, сразу отступает перед зрительным восприятием?

— Может быть, и уже стар, может быть, что-то не понимаю... Но мне всегда казалось, что в театре хорошее идет вперед, вливаясь в душу. И чем-то ощущать... Но вот я знаю, что актеры одного великого Малого теперь, театра, всегда заинтересуют зрителей, особенно молодежь, спросили как-то у публики: зачем вы сюда приходите? И получили ответ: мы ту «бандеев», я вот так выражусь. Но, понадеяв, бандеев лучше... и психологической нашего какой-нибудь, а не в театре... Но это грустно. И дружать об этом грустно... Да... мрачнеем в трагедиях. Вы знаете, вот Роя Садовской, Щепкин, Мочалов — они порой выходили в раскаяниях перед публикой после каждого удачного монолога. Да! И это было так естественно... Или преподнесли Щепкину. А потом действие продолжалось. Но это быстро прошло... Потом — Ермолова, Садовская... Потом — Пашенная, Остужев... Молодой Остужев, молодой Садовский... И каждый привносил что-то свое... Новое... Но это все равно была традиция Малого театра. Не разрушилось что-то главное, стержень, что ли...

Сейчас традиции меняются с правдою нового режиссера.

— Так, может быть, в этом все дело?

— Возможно... Я за собой замечаю частое: получаю новую роль. И тут же начинаю думать о режиссере. Как мне нужен режиссер.

Когда я пришла в Малый, в это был 1918 год, тем уже был режиссер: Иван Степанович Платон. Он говорил душевно, вот здесь, в сердце... Дверь входит. Слева будет лампа в двери, во внутренние комнаты, а слева — на террасу. Вот и всё. Этот был все его режиссуры. Но театр, был, и расцвел. И Ольга Мария Николаевна Гзовская, и Елена Константиновна Лешковская, и Любовь Осиповна Садовская...

Загадки какая-то, браво...

Когда театр играет не свою роль — это всегда занятно. Анфиса — внутри, это душевный склад, и если актер играет не что совершенно чуждое ему внутренне, то тогда происходит разрушение анфиса. Разрушение традиции. Актер сам становится чужеродным телом в пространстве спектакля, собственной роли...

— А у вас бывало такое?

— Бывало... Вера Павловна Пашенная говорила в таких случаях: «Ада, под «фасоном»... Так, начто раскрашивают на портретной... Вы знаете, я всегда безумно высоко ставила Веру Пашенную. В роли, когда впервые посмотрела «Анну Снегину» — Пашенная и Лавров... Не знаю, сколько времени проходит в пустом зале после того, как дали занавес... Не могла опомниться от потрясения... Великая актриса — Пашенная... Так вот, даже у Пашенной была такая — «чужая» роль. Васса Железнова... Ничего не поделаешь, даже великие не могут играть все... А кстати, когда я нам в театр только пришла Юра Соломин, он совершенно блестяще играл Хлестакова... Да да, мы просто все замерли! А потом Юра начал сыматься в кино...

— Елена Николаевна, ты говорила о том, что традиции Малого театра почти утрачены... Но судьба Малого — относительно других столичных театров — благополучна. Его никогда не закрывали, не разгоняли... Там всегда были лучшие актеры... И уже не менее?

— Мое глубокое убеждение, что Малый театр стал лучше. Я работаю здесь так, как в свое время Корша в 1932 году. Вот когда пришел актер Корша — это. Было надежно...

— Но так был Радин... Прекрасный актер, судя по рецензиям того времени. Да и весь театр Корша: Вера Попова, Шатрова, Бакшеев, Тамарина...

— Да, театр Корша. Был хороший. Но то был другой театр. Не Малый. А Радин... Радин стал играть в очередь с Михаилом Францевичем Ленским (я прошу вас так и написать — пожалуйста, его имя и отчество) в пьесе «Бешеные деньги», сыграл Аркадия Бакшеева. Сначала Радина в этой роли, хотя он был, наверное, менее талантлив, чем Радин. Но то был актер Малого театра.

— Но он тоже был какое-то время в Корше...

— Да, совсем мало, но он замечательно — актер Малого, с 1902 года на его сцене. Стал в то постановочное время... В 1938 году в театр пришел на амплуа героя — Дорина Зеркалова, Зеркалова. Но с такой речью, — с огромным «ядром» на произношении... Она имела «ненормальный» успех в Киеве и Харькове. Многие роли, которые я могла играть, были поставлены для нее... Я не в обиде и не в претензии.

Помню, — станцию «Бегущая Гранде». Наша замечательная, тогда еще молодая Наталья Белецкая должна была играть главную роль. И Наташа репетировала. И вдруг на последнюю репетицию пришла Зеркалова. И Белецкая поняла, что роль Гранде достанется Зеркаловой. Наташа сказала, что Зеркалова пришла на эту роль... Кстати, тогда совсем никому получилось... Зеркалова сама не сказала ни одного слова на сцене, а я «Гранде» уже появилась великолепная репетиция... Представьте, что кажется нужно было выходить на сцену Наташе Белецкой...

— Но Зеркалова была очень большим актером. Вспомнить, Гарпагон в «Скупом» — «Ромео и Джульетта»...

— Да, Жаль, она рано умерла. Как и Наташа Белецкая...

— Наверное, Елена Николаевна, уходит актерская преемственность, как бы может традиция, не уходящая в ее рамки. Без этой преемственности, большие актеры вымирают...

— Вы говорите об особенностях и о каких-то рамках... Мы говорим о внутри. Я не говорю о виду формы. Я говорю о духе актера. Об этике, если угодно. И каждом театре есть такие неукладывающиеся... Но МХАТ — Второго Вы всегда особенным... Во Второй МХАТ его Четвертовым... Да прием Игоря Ильинского, его все тогда считали чисто мейерхольдовским актером. А потом у Малый он как трагический комедийный Гаудиатов в Бирнам! И до Второй МХАТ, в полно, после закрытия в 1936-м Второго МХАТа...

А Малый... Что Малый... Стали уходить старики, стали приходить режиссуры. Вот был режиссер Судаков — талантливый, и мне кажется, он не любил Малый театр. Если хотя что-то не нравилось, то он говаривал: «Ну это Малый театр». Но все же он был интересный режиссер. Поставил «Варвары».

А потом где-то что-то зрозмучало, в очередной раз взялись наводить порядок в Малом, стали ему менять (Судакову), что надо он не ценит (а какие уж тогда надры?), и его сняли. В 1944-м, кажется... И театр перешел в руки Прова Михайлича Садовского и Константина Александровича Зубова... Вдруг зазвучали его «Первозвитровый»... Но Малого театра уже почти не было, дота оставались Пашенная, Прова Михайлы Садовский, оставался Остужев...

— Но у Малого театра, есть Щепкинское училище, свое собственное?

— Да, Но... Я считаю, что школа у нас не на том уровне, ну хотя бы, что школа Щукина. В бывое время ректором училища госкомисиии в Щукинском. Когда там руководила Зарава. Я не могу сравнивать... Сейчас Малого театра, Очевидно, сейчас должны прийти новые режиссеры, актеры. Но это уже в Малом, — это, это, это — единицы.

— А кто вся же кажется вам актером Малого театра?

— Глушенко. И, конечно, Наталья Ивановна. Была... Николай Подгорный... Тоже был... В Щепкинском сейчас преподает Ирина Соловова, Соловова... Может быть, они очень хорошие актеры, но как преподаватели — я не знаю... Они все очень сильны...

— А вы, Елена Николаевна, не думаете о преподавательском работе?

— Почему я не преподаю? Не могу. Это такая ответственность. Читаю монологи — были беседы, а потом — с любимыми публикой. Вот Раневская пришла на вечер — и Неинформ-Данченко... И он с ней ласково распрощался. Раневская! А Гоголева — она — же воспитанница балетной школы при Литературном театре. (Была тогда большая балетная школа). Но в балете она ничего не смыслила, ее буквально «сослали» в Малый. И Медведева, балерина, тоже взяла ее на роль Гапуни. Гоголя нужен был срочный ввод, заболела Федотова...

— Или — Кириллов. Такая же история — ее выводили танцовщицей, и в балетной школе сказали: слуплай в Малый. То же вот... — Императорские театры, которому так и перебрасывали. Кстати, между Малым и Большим театрами был подземный ход, и через него перебегали те, что были заняты в массовых сценах: в первом акте — в одном месте, во втором — в другом. Часто даже не переодевались. Да... А при Сталине этот ход заделали...

— И все же... Елена Николаевна, вы сами себя противоречите: вы говорите, что традиции Малого театра погибли, что сам театр погибает. Но есть же в нем и сейчас замечательные актеры... Может быть, тот Малый театр, в котором играли Пашенная, Остужев, Яблочкина, уже просто не нужен?

— А что же нужно? То, что теперь? Ну знаете ли... Когда я играла радости с Остужевым, я понимала — я на сцене Малого театра... Но знаете, когда мы играли «Хлопушу» и так Вильнкин играла роль Павлуцкой-Пашунцкой, мою дочь, я думала: нет, это не Малый. Но это было прекрасно. Это было настоящее наслаждение — играть «Хлопушу». Вот мы знаем, не знаю Остужева рядом с Натальей Вильнкиной... Нет, не представляю... А между тем и он, и она — актеры первого ряда... Наверное, Наташа была актрисой второго ранга, у Александра Алексеевича. Я не представляю, чтобы он мог так раз в неделю играть одну и ту же роль. Исчезает вдохновение. Сейчас... наверное, мне разговоры о вдохновении не к месту... Но в то время, когда я сыграла, на Малого потрясала, это сделано было в году. И его — «вдохновение» — не стесняясь.

Я помню, лучшее в нашем театре Алексей Дмитриевич Попов. Был любимый Остужева. После его смерти. На сцене — а было это в таком маленьком, Щепкинском зале — костюм, в котором Остужев играл «Отелло». Очень сгорбленный дубовый, рот, изуродованный, устраивал местком... Попов сыграл об Остужеве: «Малый театр потерял свой фанаты».

Как это первой на сцене нет фанаты. Выходит актер в хорошо играть. Но не горит. Нет вдохновения.

— Все другое, вся другое... Но на в этом беда, что — другое; а в том, что сомнается уровень. Неуклонно, непоправимо... Кто мы сможет исправить, если нам-то не будет знать, что такое настоящий уровень, настоящая традиция?

— Вы будете играть на сцене Малого?

— Ну! Я бы хотела еще сыграть...

P.S. «НГ» была единственной газетой, заметившей, что после открытия (после реставрации) Малого театра его дирекция сняла с репертуара «Колонов» П. Гнедича, спектакль, поставленный Б. А. Львовым-Анохиным с Е. Н. Гоголевой в главной роли. Небольшая заметка в «НГ» вызвала разговоры в Малом театре. Только что спектакль восстановлен, и в нем снова играет Елена Николаевна Гоголева...

С огромным «ядром» на произношении... Она имела «ненормальный» успех в Киеве и Харькове. Многие роли, которые я могла играть, были поставлены для нее... Я не в обиде и не в претензии.